

Вот уже почти 40 лет каждая новая книга Джона Ле Карре становится бестселлером в Англии и мгновенно переводится на десятки языков. Широчайшая популярность романов маститого писателя загадочна. Работая в жанре шпионского триллера, Ле Карре на самом деле лишь часть сюжетного пространства своих книг заполняет детективным действием. Кроме того, его романы — это отнюдь не легкое, развлекательное чтение. Созданный Ле Карре образ британского разведчика Джорджа Смайли мало похож на героя классического шпионского триллера. Рефлексирующий интеллигент, он отчужден и от мира разведки, и от политического истеблишмента своей страны. Ле Карре не скрывает, что этот обуреваемый психологическими комплексами немолодой уже сотрудник внешней разведки МИ6 во многом альтер эго его самого. Если сравнивать прозу Ле Карре и Фредерика Форсайта — другого популярного английского писателя, — то становится очевидным, что Форсайт пишет для публики, а Ле Карре для себя, пытается разрешить собственные психологические и моральные проблемы и комплексы. Ле Карре признается, что тяготился службой в МИ6, считая нравственно не оправданными некоторые методы ее работы. После оглушительного успеха своего третьего романа — «Шпион, который пришел с холода» (1963) — он уходит из разведки и становится профессиональным писателем. Подлинное имя Ле Карре — Давид Джон Мур Корнуэлл. Он родился 19 октября 1931 г. в Пуле (графство Дорсет) в семье бизнесмена. Изучал современные языки в университетах Оксфорда и Берна. Преподавал французский и немецкий в Итоне. Служил в министерстве иностранных дел, занимал пост второго секретаря британского посольства в Бонне и консула в Гамбурге (1960 — 1964). Одновременно он был сотрудником «Интеллидженс сервис».

Джон Ле Карре — автор 19 романов, среди которых «Городок в Германии» (1968), «Идеальный шпион» (1986), «Русский дом» (1989), «Наша игра» (1995), «Портной из Панамы» (1996), «Сингл и Сингл» (1999), «Постоянный садовник» (2001). По десяти его романам сняты фильмы.

С Джоном Ле Карре, 70-летний юбилей которого только что отметила Англия, встретилась наш лондонский корреспондент Наталья ГОЛИЦЫНА.

— Когда вы поняли, что хотите стать писателем?

— Грэм Грин однажды заметил, что «источник вдохновения писателя — его детство». Мое детство было одновременно красочным и одиноким. Родился в буржуазной семье, отец занимался предпринимательством. Пару раз он даже побывал в тюрьме в связи с какими-то махинациями. Мы с братом никогда подолгу не жили на одном месте и чувствовали себя маленькими ссыльными. Моя мать оставила семью, когда мне было пять лет. Долгое время я думал, что она умерла. Встретился я с ней, когда мне было уже за двадцать... Тепличные условия, в которых я тогда жил, развили во мне определенные творческие способности — все дети с трудной судьбой это понимают. Когда подросток, решил, что хочешь стать художником: занялся книжной иллюстрацией, но в какой-то момент понял, что никогда не добьешься успеха, зарабатывая на жизнь живописью и рисованием. У меня попросту не было таланта. Амбиции и желание были, а способностей — нет. Постепенно я обратился к литературе. В юности писал стихи, но они были ужасны, и впоследствии я уничтожил все, что смог отыскать в своих архивах. Кое-что, впрочем, сохранилось — то, что было напечатано в детских журналах. Сейчас мне эти стихи кажутся излишне романтичными и вызывают чувство неловкости.

— Интересно, что вы почувствовали, встретившись с матерью через много лет?

— Отчуждение, что-то вроде запоздалого гнева. И одновременно замешательство: я не знал, как поладить к ней, как ее обнять — ведь я не видел ее больше 17 лет. Для меня она была абсолютно чужим человеком и оставалась чужой вплоть до своей кончины. Впрочем, когда рассказываешь русским людям о тяжелом детстве, прошедшем в Англии, испытываешь неловкость, ибо лишения, которые испытали россияне моего поколения, ужасны — и потеря близких, и лагеря, и война, и гибель родителей или немецкий плен, и вновь лагеря после плена. Когда я думаю о собственных невзгодах, чудовищность страданий, через которые прошли русские люди, всегда внушает мне смирение.

— Почему вы решили писать под псевдонимом?

— Дело в том, что первые мои литературные опыты совпали по времени с государственной службой — в Форин офисе. Хотя я и не испытывал особого давления со стороны своих боссов — свободно опубликовал уже три первых романа, — они все же потребовали, чтобы я взял псевдоним. Даже если бы я писал книги о бабочках, это ничего бы не изменило. Такова была традиция Форин офиса: независимо от того, был ли у вас доступ к секретной информации или вы были простым клерком, — вам не дозволялось писать под собственным именем, даже если вы писали в газету.

— Да, но почему французское имя?

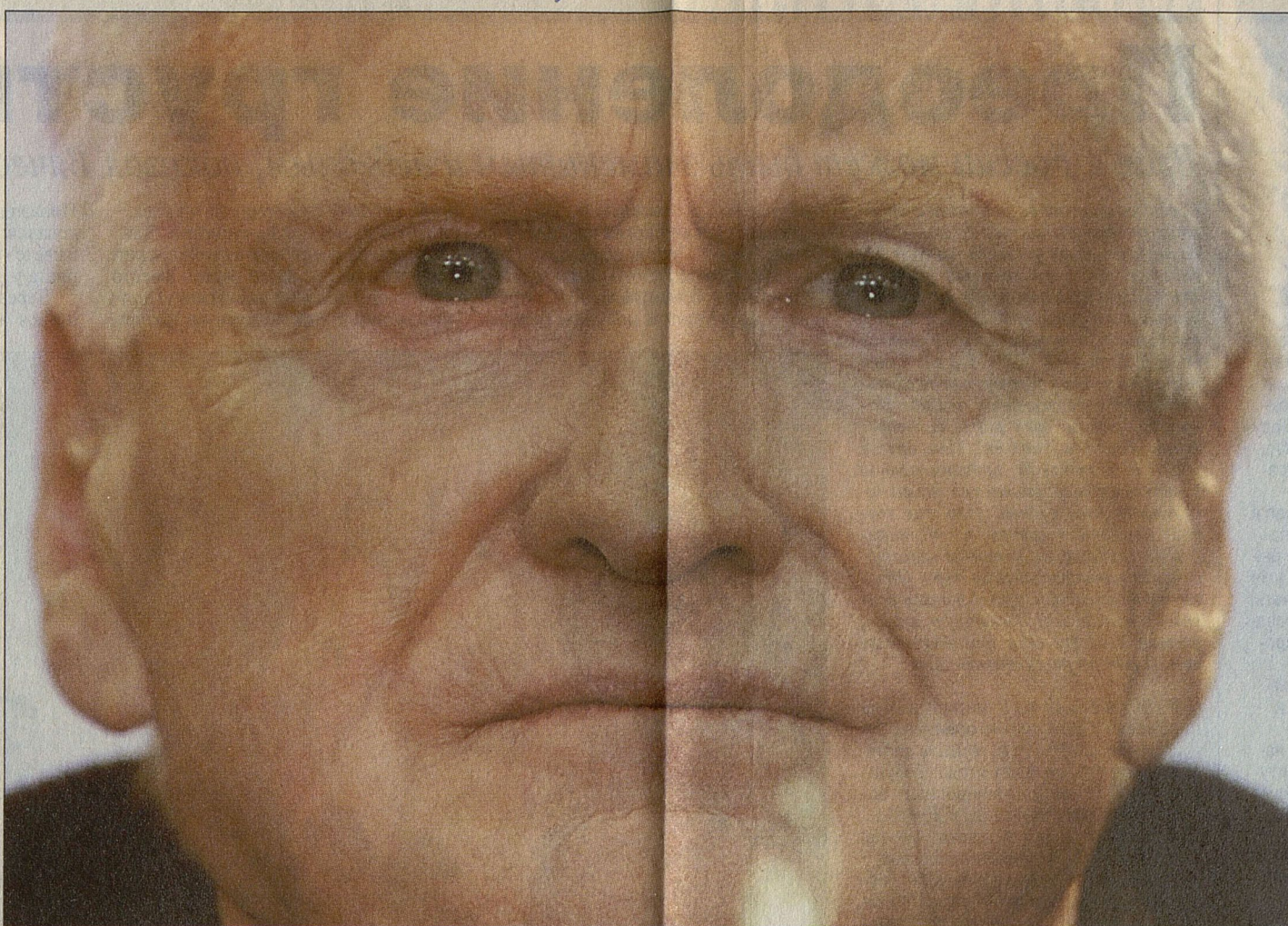
— Честно говоря, я столько раз изобретал объяснения по этому поводу, что сейчас и сам порой не знаю, какому из них верить. Мой английский издатель Виктор Голанкс попросил меня — когда я еще только начинал — выбрать псевдоним, состоящий из двух хорошо звучащих англосаксонских слов. Я должен был как-то прореагировать на эту смехотворную идею. «Вы хотите, чтобы я назвал себя кем-то вроде Чанка Смита?» — подумал я и выбрал имя, которое абсолютно этому не соответствовало, да еще и звучало как французское. «Ле Карре», как мне кажется, легко запоминается на слух. Вот и все объяснение.

— Насколько важен был для вас как писателя опыт работы в британской разведке?

— Очень важен. У каждого художника, писателя есть некая духовная обитель, куда он мысленно постоянно возвращается, — обычно это связано с тем, что составляет его главный жизненный опыт. Если бы в годы своего созревания я был моряком, писал бы о море. Будь я банкиром или адвокатом, то обратился бы к их жизненному опыту. Мне очень повезло — волею судьбы я оказался честным наблюдателем важных событий под названием «холодная война». Это дало мне возможность изнутри понять многие вещи: как, например, люди, обладавшие ограниченной информацией, принимали порой безумные решения, как общались между собой. Невероятно живописная картина, в которой мне открывались человеческие слабости и амбиции... Я исследовал секретные службы как некое подсознательное народов, которым они принадлежали. Меня интересовали подлинные, подспудные страхи и мифы, которыми они жили. К примеру, история КГБ эпохи «холодной войны» демонстрирует полнейшее психологическое соответствие «конторы» состоянию советского общества того времени — его комплексы, его фантазии, его абсурдные, бессмысленные страхи перед русской эмиграцией... Сюда же относятся и всякого рода заблуждения — особенно в отношении США. И наоборот — неадекватность Запада в отношении к России. Я понимал, что могу использовать свой опыт для иллюстрации более широких сфер жизни. Именно поэтому разведка стала местом действия моей «человеческой комедии».

— При чтении ваших книг создается впечатление, что вам не очень нравятся жить в Англии — так ли это на самом деле?

— Я не живу подолгу в Лондоне. Обычно мы с женой обитаем в западной части Корнуолла, в глубокой провинции — там я чувствую себя намного комфортнее. Честно говоря, мне не кажется, что я занимаю важное место именно в английской литературе — я скорее писатель космополитический, и эта роль мне больше подходит. Я весьма настороженно отношусь к английской академической среде, не общаюсь с ее представителями, не знаю ни

Талант, который пришел с холода

литературных критиков, едва помню их имена и делаю все возможное, чтобы ничего о себе не читать, — эти писания оставляют у меня ощущение бессмысленности и фальши. В результате веду себя так, как повел бы на моем месте любой человек: смастерил для себя замкнутую конструкцию и живу в ней. Во многих отношениях Англия до такой степени у меня в крови, что я не могу подолгу жить в другом месте. В этом смысле я чем-то похож на русского. Многие русские, мне кажется, никогда не чувствуют себя как дома в чужой стране. Я много путешествовал по миру и, быть может, просто мечтаю об Англии, которой никогда не существовало.

— В таком случае не чувствуете ли вы себя европейцем?

— Мне не кажется, что существует некая европейская идентичность, хотя я и ощущаю определенную удаленность от каких-либо национальных границ. Я не смог бы жить в США; тем не менее, зная это, люблю там бывать. Если бы мне пришлось жить в изгнании, я все же выбрал бы европейскую страну. Похоже, я англичанин с нордическим комплексом: гораздо комфортабельней чувствую себя на берегу северной страны, нежели в южных широтах. Эдакий Гёте до его итальянского путешествия...

— Какую роль играет Россия в ваших книгах?

— До 1987 года я не бывал в Советском Союзе — меня не хотелось там видеть, русские даже не ответили на мой визовый запрос. Впрочем, я не уверен, что мне позволили бы поехать туда и английские власти. До 1987 года Россия была для меня абстракцией, далекой фантазией, призрачной страной за «железным занавесом» — темный, дикий, труднообъяснимый мир. Когда я впервые попал в Россию, мое первое впечатление было, видимо, таким же, как у почти любого западного человека, впервые туда попавшего: неужели эти люди, спрашиваете вы себя, могли быть тем самым «грозным врагом» нашей системы. У них не было ни воли, ни элементарных возможностей разрушить Запад. Россия попросту не функционировала — это и было ее главным секретом.

Другим — была удивительная примитивность провинции, упадок промышленности и сельского хозяйства. После 87-го я начал многое понимать из того, что на самом деле там происходило. Советский Союз, грубо говоря, создал для себя замкнутую конструкцию и жив в ней. Это тот «роллс-ройс» и был его военный потенциалом. Но я очень сомневаюсь, что русские могли тогда поддерживать его боеспособность и использовать в случае войны. К тому же стоимость производства «роллс-ройса» была фантастической, значительно больше рыночной. Такова, если угодно, была политическая составляющая моего первого впечатления от России. Впечатление же от людей изначально было вполне устойчивым и внятным — люди мне определенно понравились. Русских часто представляли коварными и наивными — я же нашел их откровенными, человечными, достойными людьми.

Россия меня необычайно захватила, и я стал время от времени там бывать. В последний приезд мне удалось встретиться с несколькими боссами местной мафии — встречи организовали бывшие сотрудники КГБ. Конечно, печально наблюдать, как быстро бывший Советский Союз перешел от «развитого» социализма к столь же «развитому» капитализму... С одним из нуворишей я встретился в его собственном ночном клубе. Это был внушительного вида, крепкого сложения лысоватый человек, как бы сошедший с полицейского объявления о разыскиваемом преступнике. Он пришел в сопровождении телохранителей — бывших спецназовцев. В клубе звучала старомодная музыка, танцевали красивые деревенского вида девушки на высоких каблуках. Человека этого звали Дима. Музыка играла так громко, что мне приходилось наклоняться к нему, чтобы услышать, что он говорит. Со мной, конечно, был переводчик. Я попросил Диму снять дымчатые очки, чтобы увидеть его глаза, — иначе создается впечатление, сказал я ему, что говоришь с глухой стеной. Я спросил, насколько он богат. Я предположил: «Пять миллионов долларов?» Он фыркнул. «Пять

десят миллионов?» Он ответил, что это ближе к истине, но все же меньше его состояния. «Хорошо, — сказал я, — допустим, у вас сто миллионов. Судя по всему, вы занимаетесь криминальным бизнесом?» Он начал было мне объяснять, что Россия находится в состоянии анархии; что он не делает ничего противозаконного; что в стране не соблюдается конституция, нет порядка и что все озабочены только личными делами. «Вы женаты?» — спросил я. «Да». Он был примерно моего возраста, поэтому я спросил, есть ли у него внуки. Он ответил, что есть. Тогда я напомнил ему, что в 20-е годы в Америке тоже были личности, работавшие на грани закона, — вроде Джи Пи Моргана, Карнеги и других миллионеров. К концу жизни они, однако, начали понимать, что нельзя слишком много брать у общества, ничего не отдавая взамен. Они начали строить музеи и больницы. Даже Пабло Эскобар (колумбийский наркобарон, глава так называемого «медельинского картеля». — Прим. ред.), сказал я, строил поселки для бедных в пригороде Медельина. И вам тоже нужно что-то сделать полезное, чтобы хоть как-то компенсировать то, что вы взяли у людей. В ответ Дима разразился длинной тирадой. В конце концов мой переводчик, повернувшись ко мне, растерянно произнес: «Я очень извиняюсь, но мистер Дима сказал «фак офф». Мне пришлось «отвалить».

— Давайте обратимся к вашему роману «Наша игра» — его действие почему-то происходит в Ингушетии...

— Я написал его еще до войны в Чечне. В начале 90-х в Москве я встречался с несколькими чеченцами и ингушами. Тогда я впервые узнал об открытом расизме, составляющем часть русской ментальности. Этих людей называли в Москве «чернокожими», «черными» и другими не менее очаровательными именами. Так вот, среди ингушей был некто Костоев — в то время депутат Госдумы. В Ингушетии он служил в милиции, это он арестовал Чикатило, серийного убийцу. Костоев познакомил меня со своими земляками, и я очень заинтересовался их проблемами. Мне показало

лось, что их судьба — пример откровенной несправедливости, какую вообще трудно найти в истории. Как известно, в 1945 году ингуши были депортированы по приказу Сталина из Ингушетии в Казахстан. Многие из них в дороге погибли. Освободившуюся территорию заняли жители Северная Осетии. И когда Хрущев вернул ингушей на их родные места, они не могли даже получить обратно собственные дома. Я решил пересказать эту историю через восприятие западного человека — разведчика, работающего против Советского Союза и испытывающего нечто вроде подспудного морального обязательства перед миром. Во второй, меня захватила сама ситуа-

ция строительства новой российской империи на обломках империи советской, ведь — к худу или добру — Россия снова превратилась в колониальную державу. Распад Советского Союза породил новые проблемы, связанные с правами человека, — об этом нужно громко говорить! Мне не кажется правильным, когда, позаимствовав политическую мораль Аллена Даллеса, Москва, обращаясь к республикам, между которыми никогда не было границ, говорит: «Ребята, вы будете охранять свою сторону границы, а мы — свою. Мы будем запугивать вас чеченцами и указывать, что вам надлежит делать на своей земле. А что нам делать на своей территории — наше дело». Это политика разобщения, и, с западной точки зрения, политика постыдная. Вот почему я взялся за этот роман.

— Какой вам представляется Россия лет через десять?

— Я не обладаю магическим кристаллом... Однако надеюсь, что рано или поздно у вас все же возникнет нормальная смешанная экономика с долей госсектора. Выходить из эпохи абсурда, когда «красные» цари вдруг стали «серыми», секретари райкомов — банковскими менеджерами, все равно придется. Но мы на Западе, наверное, слишком поздно осознали, что других кадров у России попросту нет и поначалу надо работать с тем, что есть. Произошло примерно то же самое, что и после краха нацистской Германии: тогда пришлось сохранить старый бюрократический аппарат, чтобы заставить страну работать. Так что в России неминуем период самообразования и смены вех. Небольшой пример. У советской милиции, ставшей теперь российской, были две ответственные функции: не дать просочиться информации о подлинном образе жизни номенклатуры и защищать эту самую номенклатуру от возможных покушений на ее привилегии. За пределами же этих функций у нее не было никакой ответственности перед рядовыми гражданами. И милиция по сей день остается важнейшим объектом реформирования российского общества — это абсолютно необходимо для того, чтобы лет через десять Россия смогла измениться к лучшему.

— Как вы пишете? Откуда берете сюжеты?

— Обычно все начинается очень скромно — с одного-единственного персонажа. Затем я занимаюсь поиском конфликтной ситуации. Подобно кинорежиссеру, выстраиваю в голове визуальную картину последней сцены, когда зрители покидают кинотеатр, а точнее, когда читатели «выходят» из книги. После этого я попросту даю возможность книге самой себя писать — появляются персонажи и организуют книжное пространство.

Однажды Грэм Грин сказал мне, что относится к своему писательскому дару как к другому человеку, как к кому-то, кто обладает собственным чувством юмора и по горло сыт здравым смыслом. С характерным для

Грина чисто английским заиканием он сказал: «Когда я вхожу в комнату полную людей, я оставляю этот чертов талант за дверью». Я делаю то же самое.

— Тот же Грэм Грин назвал как-то ваш роман «Шпион, который пришел с холода» лучшим шпионским романом, который он когда-либо читал...

— Это было очень великодушно, по-гринавски великодушно. Однако не думаю, что он прав. Скорее всего два лучших когда-либо написанных шпионских романа — это «Тихий американец» и «Наш человек в Гаване». Надеюсь, они и останутся лучшими.

— Как вы пережили мятежные 60-е? Есть мнение, что и вы внесли лепту в движение тогдашнего молодежного протеста?

— Признаться, я сыграл определенную роль в этом движении — главным образом тем, что обнажил смысл «холодной войны», низвел его до понимания рядового читателя. Твердили, что шпионаж — неизбежная и героическая часть идеологического конфликта. Я же утверждал, что это отвратительное и дегуманизирующее занятие и нам не следует в нем участвовать. Это и стало моим скромным вкладом в революцию 60-х. Мы всегда забываем, что именно Хрущев подготовил эти события и что хрущевская «оттепель» была гораздо важнее горбачевской «перестройки». В начале 60-х был момент, когда мы подумали было, что тучи рассеялись, всех нас охватила надежда. Это была эпоха упущенных возможностей в отношениях Востока и Запада.

— А вы верите, что сегодня «холодная война» действительно завершилась?

— Политическая позиция обладает мощной инерцией и надолго консервирует проблемы, которые ее же породили и сформировали. Поэтому мне не кажется, что «холодная война» окончательно завершилась, ибо сохранились прежние подходы к политическим проблемам. Естественным следствием окончания «холодной войны» должен был стать союз России и Америки, это стало бы спасением мира. Огромный шанс был упущен, причем с обеих сторон. Не было разработано второго «плана Маршалла» — на этот раз для России. Не возникло и внутреннего примирения. Быть может, только сейчас, в свете последних событий, представился новый уникальнейший шанс...

Понимаете, Франсуа Миттеран был прав, предлагая всем «признать, что история движется с собственной скоростью». Запад имеет дело со страной, в которой не было Реформации, в которой не было своего Эразма Роттердамского и у которой нет опыта длительного эффективного демократического развития. Можно ли в этом случае рассчитывать, что джинсы, кока-кола и доллары способны превратить Россию в равноправного партнера? Нет уж, лучше запастись терпением и помнить слова Миттерана.

Лондон